

Е. Н. Денисенко

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ «ДЕРЕВО»
В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ**

Аннотация. В статье представлено рассмотрение паремий и фразеологизмов русского и белорусского языков, имеющих в своем составе названия деревьев, являющихся знаками-символами и отражающими связь с «высшей» мифологией восточных славян и народной демонологией, с точки зрения когнитивного и антропоориентированного подходов.

Ключевые слова: дерево, знак-символ, паремия, фразеологизм, «высшая» и «низшая» мифология.

Суть и содержание восточнославянской мифологической картины мира составляет языческий синкретизм, основанный на оппозиционных и, реже, согласующихся параллелях, элементы которых постоянно пересекаются. Основной частью мировосприятия человека является природа, состоящая из значимых компонентов, приобретающих символическое и часто сакральное значение. Одной из таких составных частей является мифологема «дерево». Дерево в мифологической картине мира всех народов мира обладает особой силой и теснейшим образом связано как с человеком, так и с «высшей» и «низшей» мифологией. Проблему репрезентации языческих воззрений восточных славян в современных языках и, в частности, во фразеологии не раз поднимали исследователи [1; 2 и др.] и рассматривали этот вопрос глубоко, основываясь на классических трудах по этнолингвистике, мифологии, фольклору А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, В. И. Даля, М. Забылина, Д. К. Зеленина, В. В. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, Н. И. Костомарова, К. Мошинского, А. А. Потемни, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова. Вербальное отражение значимых концептуальных идей требует не только теоретического обоснования и анализа конкретных фразео-лексических групп в отдельных языках, но и системного, комплексного освещения проблемы на широком славянском фоне. В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые русские и белорусские паремии и фразеологизмы, объединенные гиперонимом «дерево», которые отражают реликты древнего восприятия мира, на основе антропоориентированного и когнитивного подходов, с использованием сравнительного, описательного и логического методов исследования. Выборка языкового материала проводилась из лексикографических источников [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9 и др.].

Важнейшим средством концептуализации окружающего мира в древнем человеческом коллективе, как и в современном, была символика. В процессе жизни люди имели дело с репрезентациями окружающего мира, с его когнитивными картинками и моделями. Мир, таким образом, представлялся человеку через призму его культуры, и именно символика, как отмечено в исследованиях [10; 11; 12], является важной составляющей «картины мира», выступающей не всегда одинаково у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. Следовательно, в рамках знакового подхода традиционная народная культура, с точки зрения ее формы, предстает как сложно организованная система знаков [13, с. 8]. Слово в таком случае представляется как семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифологического образа. Знак-символ означает понятие, воспроизводящее определенную неразделяемую совокупность на основе сопоставимости и относительности. В мифе форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует. Мифологическое мышление, по мнению исследователей [14, с. 249], выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака. Эта неопозиционная взаимопроникающая бинарность проявляется в сфере воображения и обобщения как в

системе «высшей», так и «низшей» мифологии. Культурная традиция восточных славян отличается устойчивостью рудиментов архаических явлений, которые сохранились в паремиологической и фразеологической системах. Стойкой сохранности этих элементов в значительной мере способствовало представление о растительном мире, в частности о деревьях как универсальном средстве, синтезирующем все отношения в жизнедеятельности человека. Дендроним в восточнославянских культурах представляет собой сложный знаковый комплекс, имеющий в большинстве случаев общеславянское происхождение; деревья и их номинации обладают высокой степенью участия в обрядовом контексте, основой которого являются реликты восприятия природы в восточнославянской языковой и мифологической картине мира. Мифологема «дерево» включает несколько особо значимых знаков-символов и воспроизводится в современных языках на разных текстовых уровнях, включая фразеологический и паремиологический.

Поскольку деревья служили объектом поклонения древних людей, то их связь с системой «высшей» мифологии очевидна. Одними из наиболее почитаемых деревьев были дуб, ель, кедр и др., культ которых прочно вошел в систему славянских верований: возле них служили молебны – русск. *в ельнике трудиться, в березняке веселиться, в кедровнике молиться*, находили пристанище отшельники – *в келье под елью* (паремия имеет широкий спектр значений: уединение, жилье, предпочтение лета, нужда, любовь и др.), совершали бракосочетание – русск. *венчали вокруг ели, а черти пели*, обращались к ним в заговорах, приписывая им целительную силу, соотносили с нравственными ценностями – русск. *теленка / оленя с дубом бодался, да комолой / безрогий остался / да рога сломал*, когда дуб является знаком-символом правды и силы, бел. *за дрэвамі не бачыць лесу – за дрэвамі не вядзе леса* для определения главного и второстепенного в жизни, бел. *за адным цягам дрэва не ссячэш = вялікае дрэва наволі расце* – русск. *большое дерево долго растет*, когда основным фактором является время, служили атрибутами при обрядах – русск. *дубовый / еловый / сосновый гроб, дать дуба, еловым одеяльцем укрыться, собираться в березки, до последней березки, найти последнюю березку* [15, с. 173], служили наставлениями – русск. *дерево березу рознь*, бел. *якая дрэва, такі й клін; які бацька, такі й сын, зляцець як лісток з дрэва*, соизмерялись с физическим, психическим и социальным благополучием – русск. *не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого* и т. д. Во всех случаях использования дендронима в паремиях и фразеологизмах, связанных с мифологическими знаками-символами, происходит метафоризация – соотнесение с человеком.

Рудименты архаических дендрологических верований, связанных с «высшей мифологией», в современной фразеологической и паремиологической системах нашли скупое отражение и, как отмечают исследователи [16, с. 181], связаны с образом верховного божества громовержца Перуна. Письменные источники, упоминающие Перуна, довольно многочисленны, а фольклорный материал, в отличие от паремий и фразеологизмов, относящийся к нему, чрезвычайно богат. Корень наименования *Перун* в широком смысле означает «ударять, бить, наносить удар». Перун – «тот, кто ударяет» [17, с. 356.]. В мифологической модели мира каждому персонажу присущи определенные атрибуты и функции, которые делают его узнаваемым в любых проявлениях. Одни из важных атрибутов Перуна – дуб и дубрава. Отражение архаической связи громовержца с дубом можно видеть в русских и, главным образом, белорусских заговорах и сказках, в которых Гром, царь Гром, Перун, Илья-пророк, архангел Михаил, Бог поражают дуб или змею на дубе своим орудием – «перуном», огненной или каменной стрелой, камнем, каменным или железным молотом (сравн. русск. *метать перуны, гремят перуны*, бел. *перуноў даваць, пака пярун не грыме, чалавек яму не паклоніцца, ляснуць як пярун у зацэрку*, речевые акты проклятия *хай яно пяруном пойдзе, няхай пярун спаліць / заб'е, каб цябе пярун калядны спаліў*). Дуб является знаком-символом и

силы верховного божества – русск. *дуб дуба давит*. В отдельных преданиях дуб заменяется сосной – русск. *сосна дубу сестра*, при этом подчеркивается особый статус дерева – русск. *не всякое дерево сосна*.

В системе «низшей» мифологии деревья играют значимую роль, которая обусловлена тесной связью деревьев с областью демонологии. В мифологических представлениях деревья нередко рассматриваются как вместилище духов – как жилище нечистой силы, злых духов, как место обитания различных персонажей системы «низшей» мифологии. Считалось, например, что русалки живут на березах, черт сидит в корнях бузины, в дуплистой вербе; вилы и самодивы – на больших раскидистых деревьях, ветвями которых играют; часто можно встретить упоминание о том, что демоны живут в колючих кустарниках и в проклятых деревьях (в осине живет черт) [18, с. 161]. В быличках, повествующих о сборищах ведьм, устраиваемых в «купальскую» ночь, шабаш обычно происходит на горе или на дереве. Под таким деревом нельзя спать, нельзя ломать его ветви и т. п., иначе нечистая сила накажет человека, найдет на него болезни и несчастья. Наиболее же известен запрет стоять под деревом во время грозы, поскольку громовержец (Перун, Бог, Илья), преследуя прячущегося под деревом змея, черта и другую нечистую силу, может поразить и само дерево – русск. *осину гром ищет*, и стоящего под ним человека.

В демонологических поверьях и быличках часто упоминается береза как атрибут нечистой силы (ведьма могла надоить молоко с ветвей березы, она же могла летать на березовой метле; женщину, в которую вселился бес, во время приступа «бросало» на березу; белые кони, подаренные человеку чертом, превращались в кривые березы и т. п.). Связь березы с нечистой силой характеризуется преимущественно женской символикой: о русалках на русском и белорусском Полесье говорили, что они *с березы спускаются* или *на березах качаются*, сидят *на белой березе*, *на кривой березе*. В то же время русск. *березовый венник* являлся атрибутом обрядового действия изгнания нечистой силы [15, с. 173]. Знак-символ со значением «плакать, горевать» используется в выражении русск. *плакучая береза* и отражен в бел. паремиях *плакаць, што бяроза ліцца, бярозаю ліцца*. Вероятно, наблюдается прямая связь с похоронным обрядом, когда береза, являясь упокоительным знаком-символом, высаживается на могиле усопшего.

Бесовскими деревьями в славянских народных представлениях считались бузина и осина, представляющие собой демонический локус [18, с. 67]. И если осина чаще ассоциируется со смертью – русск. *осиновый кол*, *осиновый гроб*, то в бузине таится опасность психического расстройства, насылаемого нечистой силой человеку, – русск. *бузины объелся*. Именно под бузиной или в ее корнях пребывают лесные духи, черти, бесы, посадившие ее или наблюдавшие за превращением в бузину упыря [18, с. 67]. Будучи проклятым деревом, оно обречено на полное одиночество – русск. *одно дерево – горькая осина*, бел. *стаяць як бузіна ў полі* (сравн. *як таполя сярод поля*).

В местах, где растет осина, по поверьям, *вьются черти*, или *гуляют черти*. Русск. *осину черт колышет*, *осина черта носила* объясняется дрожание осиновых листьев [18, с. 293]. Русск. *осина и без ветра шумит, дрожит (трясется) как осиновый лист*, бел. *калоціцца / дрыжыць як асінавы ліст*, потому что боится праведного гнева. Связью осины с нечистой силой можно объяснить белорусские поверья о кострах из осиновых веток, на которых ведьмы готовили вредоносное зелье, а ведьма, выдоив черную корову, выливает молоко на землю и в это место вбивает *осиновый кол* – так она иссушает коровьи сосцы, отчего корова перестает доиться [19, с. 392]. С *осиновым колом* связан обряд распознавания ведьмы, обрядовые действия при похоронах заложного или «ходячего» покойника, вампира, во избежание перехода умершего в «ходячего» покойника, речевой акт наказания за пустословие и сплетни – *на асінавы кол брашы*. Фразеологизм русск. *заломать осину* соотносится с верованиями о невозвратности в родной дом. С осиной связаны реплики проклятия – русск. *ладило б тебя на осину, на осине повесить*.

С «низшей» демонической мифологией связывают и сосну, несмотря на ее близость к «высшей» мифологии, она участвует в игре нечистых с человеком – русск. *заблудиться / заплутать в трех соснах*, бел. *заблудзіць у трох соснах*.

Демоническим локусом считается и сухая верба. По славянским преданиям, это дерево проклято, поэтому обычно внутри гнилое и не дает тени и плодов [18, с. 83] – бел. *вярба таўстая, ды ў сярэдзіне пустая, сірата-вярбіна*. Взаимопроникновение христианских и языческих воззрений нашло отражение в белорусских легендах о чертях, которые до Вербного воскресенья греются на вербе – *закахаўся, як чорт у сухую (старую) вярбу*, а после освящения сваливаются в воду, которая до Пасхи становится дьявольским местом [18, с. 83]. Бинарная характеристика вербы как особого дерева у восточных славян, заменившего лавр, и вербы как инструмента нечистой силы, вероятно, репрезентирована в поговорках русск. *верба хлест, бей до слез, не я, верба бьет, верба красна бьет напрасно, верба бела бьет за дело*.

Дуб – дерево, связанное с «высшей» мифологией, однако оно также входит в бинарные оппозиции: большое вековое дерево является знаком-символом здоровья и долголетия, в то же время оно может служить пристанищем представителей «низшей» мифологии – русск. *велик дуб, да дупляст* (дупло традиционно считается демоническим локусом), соотносится со смертью или ее приближением [20, с. 18] – русск. *дать дуба, был дуб, а стал сруб, пахнет дубовыми досками*, бел. *дубца даць, даваць дуба, урэзаць дуба*. Персонафикация смерти связана с мифологическим восприятием конца жизни и репрезентируется в других фразеологизмах с названиями деревьев: русск. *до березки, идти под сосну, пойти по елочкам, смотреть под елку* [21, с. 934]. Ель – неотъемлемая часть восточнославянской демонологии. В еловых ветвях живут домовые, наследники лесных духов, по еловым посадкам водят нечистые украденных детей [18, с. 155–156]. Представление о нечистых как о чем-то непонятном опосредованно отражено в выражении бел. *разбярэіся тут з табою, як у лесе з бараною: то за елку, то за хвою*. Уничтожение дерева отражена в паремии *ельник, березник чем не дрова*.

Характерное отношение к бузине, осине, сухой вербе и некоторым другим деревьям как к проклятым, нечистым и опасным сказывается на их широком применении в обрядовых действиях и обрядах.

Таким образом, деревья прочно вошли как в систему «высшей» мифологии (соотношение дуба с верховным божеством Перуном), так и в систему «низшей» мифологии (это обусловлено тесной связью деревьев с областью демонологии), что характеризует их значимую роль в мифологических представлениях восточных славян. Несомненно, обозначенная проблема требует анализа более широкого числа примеров с привлечением данных других славянских языков, исследования участия паремий и фразеологизмов в традиционных ценностных оппозициях, сопоставления контекстного употребления и т. д. Однако и представленный материал явно свидетельствует о едином миропредставлении русского и белорусского народов, проявляющемся в вербальном отражении восточнославянской картины мира, несмотря на порой различный подбор лексических средств в паремиях и фразеологизмах.

Список использованных источников

1. Ломакина, О. В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков. / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2018. – № 54. – С. 303–317.
2. Радбиль, Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира. / Т. Б. Радбиль // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2018. – С. 23–35.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.

5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
6. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – изд. 4-е, стер. – М.: Цитадель; Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 590 с.
7. Русско-белорусский словарь пословиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ingvarr.net.ru/forum/56-9369-1>. – Дата доступа: 14.09.2022.
8. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 667 с.
9. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кн. / склад. М. Я. Грынблат; рэд. А. С. Фядосік – Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
10. Фадеева, Т. М. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры / Т. М. Фадеева. – М.: Новалис, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 253 с.
11. Хабарова, С. К. Символ как форма мировидения и миропонимания: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С. К. Хабарова; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2001. – 150 с.
12. Чистова, О. В. Символ в структуре познания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / О. В. Чистова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – 16 с.
13. Юдин, А. В. Русская народная духовная культура: учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Юдин. – М.: Высшая школа, 1999. – 330 с.
14. Стеблин-Каменский, М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский; АН СССР. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 104 с.
15. Красс, Н. А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка: на материале мифологии, фольклора и поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Красс; РУДН. – М., 2000. – 194 с.
16. Асов, А. И. Мир славянских богов / А. И. Асов. – М.: Вече, 2002. – 523 с.
17. В мире мифов и легенд / под ред. М. Б. Петрова, В. Н. Синельченко. – СПб.: ТОО «ДИА-МАНТ», 1998. – 574 с.
18. Славянская мифология: энциклопедический словарь: А-Я / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения; [редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др.]. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Международные отношения, 2011. – 509 с.
19. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 ст. / Н. С. Шапарова. – М.: АСТ [и др.], 2001. – 622 с.
20. Логинова, М. М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. М. Логинова; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2017. – 26 с.
21. Якунина, Т. И. Семантические свойства и функционирование фразеологических единиц с компонентами «дерево» в лингвокультурологическом аспекте (на материале английского и русского языков) / Т. И. Якунина // Молодой ученый. – 2016. – № 4 (108). – С. 932–936.

Abstract. The article presents an examination of paroemias and phraseological units of the Russian and Belarusian languages, which include the names of trees, which are signs-symbols and reflect the connection with the “higher” mythology of the Eastern Slavs and folk demonology, from the point of view of cognitive and anthropological approaches.

Keywords: tree, sign-symbol, proverb, phraseological unit, «higher» and «lower» mythology.

УДК 811'27'373:398.92:316.722

З. К. Дербишева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА НАРОДА

Аннотация. Цель данного исследования – сконструировать фразеологические картины мира (ФКМ) в русском и киргизском языках для дальнейшего их сравнения. Объектом изуче-